

Анжелика Викторовна, строгая деловая женщина, работающая в городской администрации, невесело смотрела в окно. Собственно говоря, видеть там было особенно нечего. Двор как двор, с самовольно возведенными гаражами, машинами и снующими туда-сюда людьми. Сегодня движение во дворе было по-праздничному бойким. Оно и понятно — через несколько часов пробьет полночь и наступит Новый год. А ей, Лике, завтра ровно в шесть вечера стукнет сорок лет. Подумать только! И куда жизнь ушла?

Во дворе не стихала суета. Люди так любят этот праздник и становятся на удивление деятельными в его преддверии. Даже самые ленивые проявляют активность. Анжелика усмехнулась — вот только она что-то из общей суеты выпадает. Сегодня ей ничего не хочется делать, хотя раньше она тоже в такие вот предпраздничные хлопоты включалась с энтузиазмом. Стареет, наверное. Она вздохнула и ненадолго отошла от окна. Нужно было проверить, готово ли сложное овощное рагу, которое она надумала сделать к праздничному столу как основное блюдо. Рецепт был новый, еще не апробированный, и что получится на выходе, пока неясно. Но и судить будет, кроме нее,

некому, а она постарается быть снисходительной к своему новому кулинарному творению.

Вернулась к окну скоро. Уже давно стемнело, и ребятню загнали домой. Но суеты во дворе не поубавилось. И в дальнем конце его просторной территории, на пригорке за гаражами уже маячили мужские фигуры — кто-то готовился запускать фейерверк.

Это зрелище почему-то всегда привлекало внимание женщины и очень ей нравилось. Она готова была часами смотреть на яркие букеты разноцветных огоньков, вздымающиеся в темное небо. И никогда это зрелище не надоедало ей. И ее ни капельки не раздражали громкие звуки залпов, сопровождающие это волшебное действо.

Вот ее соседка по тамбуру, Ираида Максимовна, всегда недовольно ворчала по этому поводу и загодя готовила беруши. Она жаловалась, что после этой праздничной канонады у нее болит голова, стоит звон в ушах и всю ночь мельтешат огоньки перед глазами. Но, честно говоря, Лика ее не понимала. Никто ведь не тянул ее силой к окну. В ее большой трехкомнатной квартире вполне можно уйти в гостиную, окна которой выходят на другую сторону, и плотно закрыть за собой дверь. И громкость звука заметно поубавится.

Однако соседка упорно торчала в кухне, без конца выглядывая в окно, и без умолку ворчала. И машин во дворе много, и люди без конца снуют, и от детворы покоя нет — все визжат, съезжая с горки на этих своих тарелках. Безобразие какое-то! Форменное безобразие!

Вначале, переехав на эту квартиру, Лика попыталась завязать добрососедские отношения со старой одинокой женщиной. Однако быстро поняла, что из этих намерений ничего хорошего не выйдет. Ираида Максимовна принадлежала к той категории людей, которые всегда и всем недовольны.

Похоронив мужа, небольшого, но устойчиво стоявшего на ногах начальника, она осталась жить одна в трех комнатах, которые были ей, по сути, вовсе ни к чему. Платил за эту квартиру ее сын, он же каждую неделю затаривал матери холодильник под завязку и еще время от времени привозил помощницу, которая старательно наводила порядок в запущенной квартире. Слов нет, старой женщине делать генеральную уборку было уже не под силу. Но зачем ей одной такие хоромы, Лика понять не могла. «Я не в силах покинуть квартиру, где витает дух моего дорогого Николашеньки», — заявила ей соседка на заре их знакомства. И все время плакалась, что с такой пенсией, как у нее, остается только сложить руки на груди и умереть. Одним словом, добрососедских отношений не получилось.

А вот Лика фейерверки любила всегда, с самого детства. Но особенно дороги они стали ей после той зимы в девятом классе, когда Тош под вспышки и шум яркого зрелища впервые поцеловал ее. Это было так трепетно, так сладко! И навсегда ассоциировалось в ее сознании с грохотом и яркими всплесками разноцветных огней.

Тош был первой любовью в ее жизни. И единственной. Больше ей такого счастья не досталось.

А с Тошем их безжалостно развела судьба. Так уж вышло. И горевать по этому поводу уже поздно. Все слезы, какие только были, давно выплаканы, и приходится жить дальше, держать себя в ежовых рукавицах, чтобы хоть со стороны выглядеть достойно.

На работе ее считают сухарем, женщиной, которой неведомы простые человеческие чувства. Деловая, подтянутая, строгая, застегнутая на все пуговицы. Стерва, одним словом. И сблизиться с ней не сделала попытки ни одна из новых сотрудниц. А Лика тогда пришла на это место работы после очередной, третьей потери в жизни. И просто не могла говорить о своей ране, еще свежей, кровоточащей.

Вникать в ее обстоятельства никому из работающих рядом женщин и в голову не приходило. Тем более что она была начальницей. Маленькой, незначительной, но все же начальницей. Гораздо проще было с ходу признать ее сухарем и стервой.

Лика без возражений приняла эту роль, потому что на первых порах ее это вполне устраивало. А потом она просто привыкла и посчитала, что так, пожалуй, лучше всего. Плакаться кому-то в жилетку было не в ее характере. Единственная близкая подруга, с которой можно было поговорить по душам, давно укатила за рубеж. А эсэмэсками да имейлами много не расскажешь. Родных у нее не было давно. Родители погибли, когда она еще только пошла в школу. А воспитывающая ее тетка рада была избавиться от лишней обузы и не могла дожидаться, когда племянница повзрослеет и выскочит замуж.

А потому Анжелика Викторовна, строгая деловая женщина тридцати девяти лет, привыкла идти по жизни без всякой поддержки. Ей даже казалось, что так лучше. И не нужен ей никто рядом. И пусть. Только иногда, в такие вот минуты, когда в небо взлетают роскошные букеты огненных цветов, в душе просыпается тоска по чему-то большому и светлому, по окутывающему негой теплу, по любви, вкус которой не забылся несмотря на толстый слой обстоятельств, которым покрылся ее жизненный путь. Нет, не забылся и оставался в памяти таким же ярким, как и много лет назад.